

257260

2707/21/119
Дружб

307 $\frac{10}{49}$

Памяти Ивана Петровича Сокальского.

ПРОБЕРЕНО
1934

Покойный Иванъ Петровичъ принадлежит къ числу достопамятныхъ дѣятелей Харьковскаго университета, по разносторонности умственныхъ и нравственныхъ интересовъ и по широкому гуманитарному кругозору. Человѣкъ науки—онъ не уходилъ всецѣло въ книгу, хорошо видѣлъ жизнь за предѣлами чистой науки, былъ чутокъ и отзывчивъ на требованія многотревожной дѣйствительности, интересовался вопросами земскими, городскими, вообще общественными. Нужно было обла-

Проверено
1934

ЦЕНТРАЛЬНА БИБЛИОТЕКА
СНОВАНА 1917
257260

79 08 45 84 89 66 99

дать глубокой любовью къ простому человѣку, чтобы написать, напримѣръ, такую статью, какъ статья Ивана Петровича о точильщикахъ. Всякая мелочь въ ихъ жизни подмѣчена, опрошена, записана, и на основаніи массы мелочей обрисованъ весь строй жизни этихъ странствующихъ труженниковъ. Если пересмотрѣть публицистическія статьи Ивана Петровича, хотя бы одинъ его Статистическій Листокъ съ 1882 по 1884 г., къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстный даже во время выхода, если собрать и сгруппировать разбросанныя въ немъ мысли, то уже по Статистическому Листку можно составить ясное и отчетливое представленіе о богатой нравственными и умственными силами личности покойнаго профессора. Въ другой средѣ, при другой обстановкѣ, болѣе предрасполагающей къ практической дѣятельности, изъобщественнаго міросозерцанія покойнаго, какъ оно выска-

залось въ печати, пошли бы могучіе ростки. Но Ивану Петровичу, какъ и современнику его А. А. Потебнѣ, какъ ихъ далекому предшественнику Г. С. Сковородѣ—пришлось писать лишь для немногихъ, въ увѣренности, что живое творческое слово и благородство нравственнаго убѣжденія черезъ немногихъ дойдутъ когда-нибудь и до многихъ. Не время и не мѣсто подробно здѣсь останавливаться на общественныхъ убѣжденіяхъ Ивана Петровича; но, предваряя будущее, нельзя не отмѣтить здѣсь нѣсколько мнѣній, которыя наиболѣе характеризуютъ гуманную личность покойнаго профессора.

Иванъ Петровичъ съ нескрываемымъ негодованіемъ и искреннимъ сожалѣніемъ говорилъ о ростѣ капиталистическаго строя, о „набобахъ“, выплывшихъ изъ биржевой игры и спекуляціи и захватившихъ въ свои руки разныя общественныя учрежденія,

преимущественно банки, которые, безъ особыхъ хлопотъ съ ихъ стороны, стали для нихъ цѣлой Индіей. Ивана Петровича печалило очевидное оскудѣніе дворянъ, которые, при всѣхъ ихъ прегрѣшеніяхъ, дали не мало хорошихъ людей, дали энергическихъ помощниковъ и дѣятелей крестьянской реформы. Печалила Ивана Петровича малая подготовленность крестьянъ къ новымъ условіямъ экономической жизни и ихъ слабосиліе передъ развращающими вліяніями капитализма и кулачества.

Иванъ Петровичъ въ раздумѣю останавливался надъ вопросомъ, куда мы идемъ? гдѣ узлы таинственнаго будущаго? въ городѣ, на заводахъ и фабрикахъ или въ селѣ? капиталистическія силы онъ называлъ наскоро сформировавшейся арміей титановъ и признавалъ за ними громадныя средства вліянія и воздѣйствія. На ихъ сторонѣ аппетита новаго времени, бир-

жа всего міра, пресса. Сельскія, трудовыя или земскія силы Иванъ Петровичъ называлъ пигмеями; но при этомъ—въ утѣшеніе—прибавлялъ, что пигмеевъ милліоны, что на ихъ сторонѣ упорное терпѣніе и много добрыхъ, чистыхъ началъ.

„Чтобы найти доступъ къ сердцу народа, писалъ въ 1882 г. Иванъ Петровичъ, нужно прежде всего любить его, любить его черненскимъ, потому что бѣленькимъ его всякій полюбить“; въ этихъ замѣчательныхъ словахъ сказался человекъ 60-хъ годовъ, умудренный опытомъ, и профессоръ съ лучшими традиціями. Но въ чемъ же должна выразаться эта любовь? Прежде всего и болѣе всего въ широкомъ и всеобщемъ образованіи, затѣмъ въ заботахъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія, въ развитіи сельскаго хозяйства, дѣятельности крестьянскаго банка и пр.

Иванъ Петровичъ хотѣлъ для на-

рода не одной грамотности, но и образованія, которое охватываетъ всего человѣка и влечетъ за собою потребность самоулучшенія. „Въ крестьянской странѣ, какъ Норвегія, всѣ грамотны, писалъ онъ въ томъ же 1882 г. Тамъ нѣтъ людей, которые могли бы сказать о себѣ: „мы—люди темные“. Темные люди—парія въ обществѣ. Жить общими интересами они не могутъ. Желательно, чтобы ихъ не было нигдѣ“.

Понятно, что при такомъ уваженіи къ знанію, Иванъ Петровичъ любилъ учащуюся молодежь и желалъ ей добра. „Если бы не было молодежи, говорилъ онъ, жертвующей лучшими годами жизни для полученія образованія и не было бы въ запасѣ достаточнаго контингента образованныхъ людей, то въ недалекомъ будущемъ разостлалась-бы надъ обществомъ густая тьма“... Опасался только Иванъ Петровичъ, какъ бы современные „но-

вые люди“ или, по его терминологии, „набобы“, биржевики, спекулянты и ростовщики не вытравили въ молодыхъ людяхъ то лучшее, что религія и наука сохранили и воспитали въ ихъ душѣ въ долгіе годы ученичества и не втянули молодежь въ такую службу, которая требуетъ компромиссовъ съ совѣстью, вѣрованіями, убѣжденіями, словомъ, со всѣмъ, что есть лучшаго въ душѣ человѣка.

Странно было бы, если бы Иванъ Петровичъ обошелъ молчаніемъ русскую женщину въ ея стремленіи къ просвѣщенію, и она не обойдена. Напротивъ, въ скромномъ Статистическомъ Листкѣ, имѣвшемъ лишь нѣсколько десятковъ подписчиковъ, мы находимъ цѣлый дифирамбъ русской женщинѣ. Дифирамбомъ этимъ мы и заканчиваемъ настоящую замѣтку, считая его достойнымъ памятникомъ для профессора гуманиста: „Съ зарею освобожденія миллионовъ изъ крѣпостной за-

висимости вострепнулась прежде всего она (т. е. русская женщина). Преодолевая тысячи матеріальных препятствій, отказываясь отъ удобствъ привычной обстановки, среди холоднаго къ себѣ невниманія или празднаго смѣха, она, сама себя воспитывая, только собственными настойчивыми усиліями прокладывала себѣ мало по малу дорогу къ общественной дѣятельности. Трудомъ и энергіей выработывала она себѣ право на уваженіе. Сколько женщинъ погибло на этомъ тернистомъ пути—никто не перечтетъ. Но изъ всего живаго, что вострепнулось подъ освѣжающимъ лучемъ обновленной жизни, одна только женщина можетъ гордиться, что жила по камертону чистой совѣсти. Были правда вѣксторыя попытки и со стороны общества помочь жевщинѣ открытіемъ ей доступа къ высшему образованію. Попытки были слабы... Но было ясно, что женщина—воспитатель молодыхъ

поколѣній, что безъ нея немислимо развитіе сердца, что съ развитымъ умомъ ей предстоитъ совершать чудеса... Въмѣсто безгласной женщины начала 60-хъ годовъ выросла предъ нами, на нашихъ же глазахъ, женщина, не нуждающаяся болѣе въ опеку, полагающаяся для устраненія своей судьбы на собственныя силы—сестра милосердія, учительница, врачъ, артистка, добрая мать-другъ будущихъ поколѣній. Все это стоило жертвъ, и жертвы эти несла сама женщина, на собственный счетъ. Въ нашъ меркантильный вѣкъ жизнь, полная стремленія къ добру, сама по себѣ жертва. Забота русской женщины о своемъ развитіи и совершенствованіи отразится— въ томъ нѣтъ сомнѣнія — на подростящихъ поколѣніяхъ всего русскаго общества. Это даетъ отраду и силы веселѣе и увѣреннѣе смотрѣть на будущее“.

Да позволено будетъ обратить пос-

лѣднія слова Ивана Петровича къ его собственной личности и дѣятельности. И его свѣтлая личность, и его многолѣтняя профессорская дѣятельность, его искренняя и горячая любовь къ истинѣ, добру и правдѣ — въ томъ нѣтъ сомнѣнія — благотворно отразятся въ его многочисленныхъ ученикахъ и послужатъ для нихъ источникомъ нравственной силы въ ихъ научной и общественной дѣятельности.

Профессоръ Н. Сумцовъ.

Отдѣльные оттиски изъ № 114 „Харьк. Губ. Вѣдом.“, за 1896 годъ.

